

СОДЕРЖАНИЕ АКЦИОСФЕРЫ ГОСУДАРСТВА

Современная жизнь бросает вызов многочисленным институциональным образованиям, с помощью которых в различных цивилизациях и культурах обеспечивались процессы консолидации, управления, стимулирования и охраны жизнедеятельности людей. Пожалуй, наибольшие проблемы сегодня связаны с таким институтом как государство. Не случайны утверждения о кризисе государства, его неспособности решать задачи как в таких особых сферах, как экология, культура, информатика, так и в традиционных областях деятельности государства, прежде всего по обеспечению безопасности личности и социума.

Отсюда понятно, почему проблематика ценности государства приобретает особый смысл. С другой стороны, по мнению Ю. Хабермаса, национальное государство для многих групп населения становится ложным видом единства, не способным эффективно действовать в условиях современной жизни.

На фоне происходящей модернизации бюрократии и технологического аппарата современного государственного управления даже в процветающих государствах ширится кризис легитимности. При этом часть своих функций национальное государство делегирует на локальный, а часть — на транснациональный и региональный уровень. Для решения одних проблем государство велико, а для других — слишком мало. Не случайно в этой связи заявление о том, что государство — уходящий персонаж исторического процесса [1, 46–47]. Между тем государства остаются определяющими субъектами современной экономической, политической, социальной и культурной жизни общества, а это неизбежно ведет к необходимости их ценностной характеристики.

Проблема ценности государства под углом зрения перемен в государствоведении была представлена Н. Н. Алексеевым, который писал, что наука о государстве должна освободиться, во-первых, от присущего ей юридикализма и перестать отождествлять себя с теорией государственного права; во-вторых, преодолеть европейский эгоцентризм в теории государства путем привлечения исследований государств неевропейских культур; и, в-третьих, теория государства должна остерегаться искусственных, надуманных теорий, к которым так склонно современное учение о государстве, и погрузиться в логику самой государственной жизни [2, 400].

В украинском государствоведении можно выделить два направления в подходе к ценностной характеристике государства. Одно направление связано с именем творца государствоведения в отечественной политической и юридической науке Вячеслава Липинского, который трактовал государство как перманентную и абсолютную ценность [3, 16]. В частности, в очерке программы Украинской демократической хлеборобской партии он писал, что полной национальной жизнью жил наш народ только тогда, когда он пользовался на своей земле полнотою своих суверенных прав (Киевская Русь), или же после утраты

своей государственности, когда в нем стихийной силой поднималось стремление к возвращению этих утраченных прав (казачество) [4, 255].

Другое направление ценностной характеристики государства связано с исследованиями академика П. М. Рабиновича и его учеников, которые обосновывают идею относительной ценности государства и связывают ценность государства с его социальной сущностью [5, 2]. Не разделяя трактовку государства в качестве абсолютной ценности, сложно согласиться с тем, что относительная ценность государства связана только с его социальной сущностью. Как представляется, аксиосфера государства охватывает самые различные стороны его бытия, соединяя различные ценностные характеристики.

В этой связи заслуживают внимания разработки и подход к проблеме Н. Н. Алексеева, который выделил такие ценностные начала усовершенствования государства: 1) природные факторы государственной жизни (месторазвитие государства, менталитет народа, степень властвования, образование ведущего слоя (элиты)); 2) особенности элиты (природа элиты, принципы общественной самоорганизации элиты, единство элиты); 3) специфика государственного строя (организующие начала, соединяющие нормативную и атрибутивную сферу государственной жизни; организующий порядок как единство статического (стабильной идеологии), динамического (изменяющихся режимов и функций государства) и институционального (конституция и конституционная законность, соединение единоначалия с коллегиальностью, согласование местного и регионального с общегосударственным в деятельности государственного аппарата) [2, 583–602].

Сразу же нужно подчеркнуть, что аксиосфера государства формируется в процессе диалога государства и общества, а также государства и личности. При этом динамика аксиосферы государства выражена не только в формировании, но и в фиксации и освоении ценностей государства.

Ценности государства выступают как переживаемые людьми и определяемые культурой формы их позитивного отношения к государству и его институтам, которые определяют выбор поведения соответствующего этим ценностям.

Формами бытия ценностей государства являются, во-первых, государственные идеалы, во-вторых, государственные институты и, в-третьих, государственные образы.

Среди государственных идеалов — такие ценности, как суверенитет, народовластие, демократия, выборы, законотворчество и др. На уровне государственных институтов — такие ценности, как монарх, президент, парламент, правительство, министерство и т.д. Применительно к государственным образам можно выделить такие ценности, как национальное государство, правовое государство, социальное государство, современное государство и т.д.

Ценностный смысл государства, а также вся его аксиосфера, во многом определяется критериями легитимности государственной власти и отдельных ее ветвей. Понятие легитимности является важнейшей характеристикой ценности государства, поскольку легитимной рассматривается такая государственная власть, которая принимается народом и опирается на его добровольное согла-

сие подчиняться принимаемым решениям и осуществляемой деятельности. Поскольку такая государственная власть воспринимается как справедливая и правомерно действующая, то признание легитимности власти — свидетельство ценностного смысла государства для населения [6, 302]. Кроме того, содержание аксиосферы государства должно соответствовать критериям общественно-го блага и справедливости [7, 146].

Ценностная характеристика государства связана с проблемой дуализма государства и общества, выражающих двойственность и взаимодополняемость демократии и рыночного общества. Как отмечает П. Козловски, при этом рынок и участие выступают как два типа координации, которые нельзя универсализировать, поскольку возникает дефицит свободы. И только из признания равнозначности рынка и политического участия как механизмов социального управления обеспечивается свобода индивида [8, 282–283]. При этом различие государства и общества, лежащие в основе идеи представительной демократии, не есть окончательное их отделение, но лишь дифференциация общества и государства. Политика и государственная власть вправе выступать там, где не действуют индивидуалистические регуляторы общественных процессов [8, 286].

Наконец, такой критерий, как обеспечение достоинства личности, выступает в качестве определяющего аргумента в существовании аксиосферы в современном государстве. При этом характерно утверждение, что достоинство личности получает свое яркое выражение в правовом государстве, через все многообразие осуществляемых государственных функций и конкретных видов деятельности. В частности, это связано с признанием и юридическим закреплением, гарантией и защитой в качестве ценности личности и ее достоинства; формированием и закреплением определенного объема прав и свобод, вытекающих из достоинства личности; признанием и уважением прав и обязанностей в системе государственных органов; соблюдением процедурных норм и режима деятельности государственных органов в обеспечении достоинства личности [9, 490–491].

В авторитарном государстве его ценностный смысл в том, что государством определяется объем свободы личности.

В демократическом государстве его ценностный смысл в том, что государством обеспечивается свобода личности.

Обеспечение свободы личности во многом связано с ответственностью государства перед личностью. Как справедливо замечено Н. Н. Онищенко, с учетом особого статуса государства как публичного субъекта вряд ли необходимо при реализации юридической ответственности государства стремиться к установлению вины самого государства или конкретных служащих, поскольку зачастую невозможно установить лиц, виновных в нарушении прав человека. Поэтому достаточно установления самого факта нарушения прав и свобод человека государственным органом или его служащими, чтобы это стало основанием юридической ответственности государства перед частным лицом. Принцип презумпции виновности государства [10, 110] как раз и есть отображением перемен в аксиосфере государства в современную эпоху.

Как и в других ценностных сферах, в аксиосфере государства субъектом осуществляется выбор ценностей как духовно-практическая процедура, в ходе которой происходит предпочтение одних ценностей другим.

Применительно к ценности самого государства выбор у субъекта весьма ограничен и осуществляется между реальным и идеальным. Правда, в условиях современной жизни у индивида существует возможность выбора между своим государством и другими государствами, что принципиально изменяет традиционную проблематику ценности государства.

Как представляется, важнейшей составляющей аксиосферы государства является его устойчивость, поскольку, чем устойчивее государство, тем большую социальную и личностную ценность оно приобретает. На этом мало исследованном аспекте аксиосферы государства следует остановиться подробнее.

О том, что государство неустойчиво в силу своей природы, свидетельствовала еще марксистская теория государства, в рамках которой утверждалась неизбежная смена одних исторических типов государства другими: от рабовладельческого к феодальному, от феодального к буржуазному и от буржуазного к социалистическому. Характерно, что и социалистическому государству как высшему типу в развитии государства было отказано в перспективе, поскольку речь шла о дальнейшем отмирании социалистического государства и его перерастании в негосударственную систему — систему коммунистического самоуправления.

Причина неустойчивости государства, исходя из теории марксизма, связана с его экономической основой, а именно частной собственностью и классовой сущностью, наличием антагонистических классов, что, в конце концов, и приводит к гибели так называемых эксплуататорских типов государства, т.е. рабовладельческого, феодального и буржуазного. Однако и социалистическое (неэксплуататорское) государство не имеет перспективы и обречено на отмирание, хотя в соответствии с теорией марксизма здесь уже нет частной собственности и антагонистических классов. Причина же отмирания государства состоит в том, что утрачивается социальный смысл его существования как системы подавления одних классов другими. Таким образом, здесь устойчивость государства, по сути, связана с необходимостью существования механизма подавления.

В отечественной юриспруденции в целом и в государствоведении в частности уже достаточно долгое время основное внимание уделяется вопросам демократического, правового и социального государства. Между тем при всей значимости данной проблематики она, по сути, не связана с вопросом о том, насколько устойчиво существующее государство и каковы его перспективы с точки зрения выживания государства в условиях изменяющегося мира, при осуществлении своих собственных внутренних изменений, а также при переменах в государственной власти и управленческой деятельности.

Все это определяет необходимость выхода к новым характеристикам государства, способным отображать его состоятельность в условиях развивающегося мира и собственного развития. Одна из таких новых проблем — проблема устойчивости развивающегося государства.

События последнего времени в Украине свидетельствуют о том, что у нас проблема устойчивости государства в определенной степени связана с неспособностью лиц, стоящих у руля государственной машины, выбирать оптимальный путь следования и быстро продвигаться к намеченной цели.

С другой стороны, устойчивость нашего государства зависит от отношений к Украине сопредельных и несопредельных государств, Европейского Союза, международных организаций.

Наконец, устойчивость государства связана с состоянием окружающей среды, а именно, засухи и наводнения, ураганы и землетрясения, техногенные катастрофы — весь этот комплекс отражается на бытии государства и сказывается на его существовании, подрывая устойчивость государства.

Заметим, что стремление в новых характеристиках осмыслить существование современного государства приводит к формированию и использованию таких понятий, которые пока еще не вписаны в категориальный аппарат государствоведения. В этой связи как раз заслуживает внимания понятие «устойчивость государства» как предсказуемость поведения государства, определяемая воздействием внешней среды, внутренними изменениями и управлением. Характерно, что устойчивость государства определяется как особенностями его самого и окружающей среды, так и характеристиками системы управления государством, что позволяет либо обеспечивать устойчивость течения процессов, объективно неустойчивых, без управления, либо может вызвать потерю устойчивости течения объективно устойчивых процессов под влиянием несостоятельности управления [11, 475–476].

Для юриспруденции ответ на вопрос о том, чем же достигается устойчивость государства, имеет принципиальное значение. Здесь, в частности, могут быть выделены такие составляющие, как достижение целостности политической системы; закономерности статической, функциональной и динамической устойчивости государства; совокупность политических технологий, оказывающих влияние на устойчивость развивающегося государства, и ряд других [10, 4].

Закон гомеостазиса (устойчивости) устанавливает условия существования целесообразного единства целостности, устойчивости состава и свойства их динамического постоянства. Любая организационная система по-разному реагирует на дестабилизирующие воздействия, как внешние (засухи, наводнения, стихийные бедствия, торговые войны, экономические санкции и т.д.), так и внутренние (межнациональные и межконфессиональные конфликты, сепаратизм, забастовки, революции и т.д.). При этом одни государства преодолевают эти бедствия, мобилизуя свои ресурсы и проводя реформы, направленные на повышение эффективности организации, другие же государства впадают в ситуацию дезорганизации, деградации и даже гибели [11, 229].

Таким образом, для государства необходимо обозначить его способность как организационной системы противостоять внешним и внутренним возмущающим факторам и стабилизировать свое движение путем использования понятия «устойчивость государства». Для этого можно привлечь сформулированный политологией закон гомеостазиса (устойчивости). Устойчивы организа-

ции, которые способны эффективно мобилизовать свои ресурсы на поддержание равновесия или целенаправленного движения при возникновении внешних или внутренних возмущающих воздействий. Характерно, что из этого закона гомеостазиса (устойчивости) вытекают три типа устойчивости: 1) статическая устойчивость, которая связана с состоянием равновесия (покоя) состава, структуры или строения государства; 2) функциональная устойчивость, т.е. осуществляемые функции государства и их параметры, которые не выходят под влиянием возмущений за свои пределы; 3) динамическая устойчивость как целесообразное, без существенных сбоев, улучшение функций и структуры развивающегося государства [11, 269].

Значение характеристики устойчивости государства выражено в том, что это понятие связано с вопросом о выделении жизненного цикла развивающегося государства от первых стадий его зарождения, интенсивного и дефлирующего развития до завершающих стадий стагнации (застоя), деградации и гибели государства [11, 5].

Одной из важных составляющих устойчивости государства выступает его институциональная структура. Не случайно сегодня отмечается развитие институциональной конкуренции между различными государствами, которая заставляет государства «импортировать» более эффективные институты промышленно развитых стран. Именно такое заимствование становится серьезным фактором преодоления отставания в развитии и достижения устойчивости государства. Однако применительно к постсоциалистическим странам отмечается «неверный» и «неэффективный» импорт институтов, который обусловлен как господством бюрократии и особенностями властных отношений, так и сложившейся сетью неформальных институтов, выступающих в качестве своеобразных «альтернатив» нормам законодательства [12, 53–54].

Можно утверждать, что осуществление институциональных изменений не только важный аспект трансформации общества, но и движение к устойчивости государства, поскольку институционализация обеспечивает обособление и фундаментирование отдельных сфер: от семьи и средств массовой информации до науки и культуры, — которые в рыночных условиях действуют в соответствии с рыночными императивами и не приобретают уродливых форм как это бывает при отсутствии их институционализации [13, 65].

Институционализация различных сфер жизни нашего общества приводит к институциональным изменениям на уровне государства в целом, обеспечивая его продвижение к устойчивости и эффективной жизнедеятельности в условиях происходящих изменений. С другой стороны, институционализация государства, как свидетельствуют современные исследования, теснейшим образом связана с коммуникативной сферой. Более того, коммуникация выступает как механизм самоконструирования государства, воспроизводства различных его параметров, а особенности коммуникативной составляющей деятельности государства определяющим образом сказываются на распылении власти, умножении рисков и издержек управления [14, 62].

Таким образом, проблема устойчивости государства получает свою более

развернутую характеристику при переходе от институциональной грани к коммуникативной грани государства. При этом, если институциональная сфера государства принципиально обезличена, то его коммуникативные связи, наполненные деятельностью конкретных лиц с их мотивами, ресурсами и каналами передачи информации, предельно персонифицированы и опредмечены. Отсюда направление и характер деятельности государственных органов задается не столько официальными целями и величиной ресурсов, сколько способностью людей к поддержанию профессиональных контактов. «Если организация калькирует функции, то коммуникация воплощает поступки» [14, 67].

Как справедливо отмечает А. И. Соловьев, будущее национальных государств неразрывно связано с культурно обусловленной формой коммуникации и только коммуникация способна привести функции государства в соответствие с потребностями гражданского общества [14, 78–80]. Поэтому устойчивость государства зависит не только и не столько от организации государства, его институционализации, сколько от тех ценностей и целей, которыми руководствуются управляющие и управляемые и которые неизбежно «форматируют» нормативные предписания, создавая на их базе специфические формы профессиональной активности. От того, насколько культурно обусловленные коммуникативные связи в состоянии адаптировать государство к изменениям во внешней и внутренней среде, зависит не только его сегодняшнее бытие, но и складывается его дальнейшая жизнь или гибель.

Проблематика устойчивости государства тесно связана с попытками классифицировать государства в зависимости от их эффективности на сильные, слабые, распадающиеся и распавшиеся. При этом слабые, распадающиеся и распавшиеся государства как раз не обладают необходимой устойчивостью. Здесь могут быть выделены различные критерии неустойчивости государства, в частности нелегитимность власти, неэффективность институтов и бюрократии, расстройство правопорядка и ряд других, которые достаточно сложно определить и оценить, поскольку они во многом зависят от менталитета и традиций. В то же время территориальный распад страны — явный индикатор крушения государства в отличие от всех перечисленных [15, 86–87].

Среди причин утраты устойчивости государства, приводящих к его расшатыванию, называют повышение роли негосударственных и псевдогосударственных образований. При этом монополия государственной власти значительно ослаблена или вовсе разрушена, а государство не в состоянии определять и контролировать деятельность негосударственных субъектов, обеспечивать устойчивый порядок и безопасность на своей территории. В частности, для слабых государств де-факто безопасность становится делом самих граждан [15, 88, 92].

Поскольку ни одно государство не действует по всем направлениям своего бытия одинаково хорошо или одинаково плохо, то распад государства не связан с одновременной неэффективностью всех его институтов. Определяющее значение приобретает способность государства в целом эффективно действовать в течение длительного времени, что становится важной преградой на пути разрушения системы управления и развала государства.

Заметим, что через призму устойчивости государства просматривается его ценность, поскольку устойчивость и постоянство суть основы определения ценностей [16, 105]. Поэтому ценность любого государства должна быть связана с его устойчивым существованием. Не является в этой связи исключением рассмотрение вопроса о ценности нашего Украинского государства. Чем продолжительней его существование, тем выше его ценность.

Формирование духовной идеи государства с целью обеспечения его долговечности должно опираться на традиции отношения нашего народа к власти и государству от Киевской Руси до современной Украины. В этой связи обратим внимание на ценностную характеристику государства украинского философа права Панфила Юркевича, который существование государства связывал с проблемами бедности и богатства. При этом он писал, что государство может настолько уменьшить бедность, насколько это зло допускается конституцией, и ограничить богатство только той границей, после которой оно противоречит конституции [17, 717].

Справедливо замечено, что государство — это не только сила принуждения, основанная на законах, но также идея, мобилизующая силы народа на общее дело на основе авторитета государственной власти, доверия населения к ее политическим достижениям и целевым программам развития. Все это как раз связано с выходом на аксиосферу государства и развертывания исследований ее содержания, не только как важного направления в теории современного государства, но и определяющего ориентира развития украинской государственности.

Литература

1. Щедровицкий П. Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы // Вопросы философии. — 2007. — № 7.
2. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев П. П. Русский парод и государство. — М., 1998.
3. Гордиенко М. Г. Сутність та основні засади концепції української державності В'ячеслава Липинського: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — К., 1999.
4. Липинський В. Паріє програми Української демократичної хліборобської партії // В'ячеслав Липинський: історико-політологічна спадщина і сучасна Україна. — К.; Філадельфія, 1994.
5. Лобода Ю. П. Цінність держави як її соціальна сутність (теоретико-методологічні аспекти дослідження): Автореф. дис... канд. юрид. наук. — О., 2001.
6. Философия права / Под ред. О. Г. Данильяна. — М.: Эксмо, 2006.
7. Бачинип В. А. Морально-правовая философия. — Х.: Копсум, 2000.
8. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. — М.: Республика, 1998.
9. Общая теория государства и права: Акад. курс: В 3 т. / Отв. ред. М. П. Марченко. — М.: Зерцало-М, 2001. — Т. 1.
10. Оніщенко П. М. Юридична відповідальність держави перед особою // Проблеми реалізації прав і свобод людини та громадянина в Україні / За ред. Н. М. Оніщенко, О. В. Зайчука. — К., 2007.
11. Петров В. П., Селиванов С. Г. Устойчивость государства. — М.: Экономика, 2005.
12. Либман А. М. Институдіональна конкуренція и постсоветская трансформація (влияние неформальных институтов) // Общественные науки и современность. — 2006. — № 6.
13. Шабанова М. А. Економічний и соціологічний аналіз інституціональних змін (возможности интеграции) // Общественные науки и современность. — 2006. — № 6.
14. Соловьев А. И. Траєкція структури как форма стресса и источник саморазвития государства // Полис. — 2006. — № 6.

15. Малек Мартин. Распад государства и его значение для международных отношений (категории и метод теоретического анализа) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. — 2006. — № 3.
16. Алексеев Н. Н. Основы философии права. — С.Пб.: Лань, 1999.
17. Юркевич Памфід. Історія філософії права. Філософія права. Філософський щоденник. — 3-тє вид. — К.: Укр. світ; Вид-во ім. Олеси Теліги, 2001.

УДК 346.5:330.341.1:316.752

М. Д. Василенко

ДЕРЖАВНА ІННОВАЦІЙНА ДІЯЛЬНІСТЬ У РОЗУМІННІ АКСІОЛОГІЇ ПРАВА

Правничо-аксіологічний підхід до інноваційної діяльності дозволяє розглянути її в системі цінностей розбудови держави, з одного боку, і як удосконалення методології вивчення предмета досліджень — з іншого. Методологія інноваційного розвитку автором бачиться як пізнання права цього розвитку, регламентованого процесом правового регулювання, що дозволяє в методологію права включити правове регулювання інноваційної діяльності. Однак існують особливості методів правового регулювання, які безпосередньо пов'язані з інноваційною моделлю розвитку України через розгалужену мережу інноваційних структур. Робіт, присвячених правовим питанням інноваційного розвитку, небагато [1–3]. При дослідженні методології інноваційного розвитку України, включаючи вивчення функціонування інноваційних структур, необхідно розглядати вміння користуватися правовим регулюванням. На жаль, така практика в методології права для інноваційного менеджменту відсутня: ніколи раніше до інноваційної діяльності не застосовувалися прямі, а не відносні, норми правового регулювання. Це призвело за останні роки до негативних наслідків у галузі, що досліджується. В той же час на нормах правового регулювання має будуватися запровадження інноваційної моделі розвитку України, яка у свій час була проголошена Україною на державному рівні. Це було зрозуміло, бо розвинуті країни вже реально перейшли до принципово нового типу розвитку, який можна характеризувати як інноваційний. Інновації є потужним чинником ескалації технологічного розриву між країнами, які здатні стимулювати розвиток технологій і виробництва товарів і послуг на їх основі, та країнами, які втратили важелі впливу на національні інноваційні процеси. Вирішальною є маркетингова і цінова політика «зняття вершків». Високорозвинені країни підтримують високий рівень інноваційної діяльності, відповідно нарощують обсяги високотехнологічної продукції та напівфабрикатів на засадах спеціалізації та кооперації, розвивають внутрішньогалузеву торгівлю, що становить принципові цінності в розвитку суспільства. Державна інноваційна політика має формуватися з урахуванням тенденцій інноваційного розвитку провідних технологічно розвинених країн, де вона має аксіологічні пріоритети, в тому